

УДК 002.2+351.751.5

**ВНУТРЕННЯЯ ЦЕНзуРА ИНОЯзычных КНИГ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

© 2015 М.В. Курмаев

Самарский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 08.10.2015

Автор рассматривает особенности цензурной проверки иноязычных книг и брошюр, напечатанных в России до 1917 г. Анализируется география их издания и требования к оформлению. Определено, какие именно цензурные органы допускали иноязычные тексты к публикации, каковы были ограничения на печать книг отдельными шрифтами и наречиями.

Ключевые слова: внутренняя цензура, цензурное законодательство, иноязычная печать, история книгоиздания.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Немецкая книга в контексте самарско-саратовских издательских связей», № 15-11-63004 а(р).

В дореволюционной России иноязычными считались все издания, напечатанные на языках, отличных от русского. Они могли быть иностранными (привезёнными из-за рубежа), а также инородческими (выпущенными российскими инородцами различных национальностей и вероисповеданий). Согласно временным правилам 1865 года, цензура иноязычных изданий в Российской империи подразделялась на внешнюю и внутреннюю. Комитеты цензуры иностранной и отдельные цензоры по иностранной цензуре работали с книгами и периодическими изданиями, поступавшими в страну извне через таможи в фонды библиотек, книжные магазины и лавки. Такая проверка в рассматриваемый период проводилась в Санкт-Петербурге, Вильно, Киеве, Москве, Одессе, Ревеле, Риге и Тифлисе. Параллельно функционировали органы внутренней цензуры. На уровне крупных городов проверку иноязычных книг и брошюр местной печати осуществляли цензурные комитеты, которые были духовными и светскими (Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Тифлис). Там, где цензурные комитеты отсутствовали, текст просматривал отдельный цензор или высшие должностные лица местной администрации – губернатор, вице-губернатор. Во второй половине XIX века отдельные цензоры работали в таких городах, как Рига, Ревель, Дерпт (Юрьев), Митава, Киев, Вильно, Одесса, Казань. Типография могла запустить рукопись в тираж только после получения соответствующего разрешения и должна была представить в Главное управление по делам печати МВД комплект обязательных экземпляров, количество которых зависело от тематики издания. Кроме книг, подлежащих цензуре («подцензурных»), временные

Курмаев Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и библиографоведения. E-mail: mkurmaev@yandex.ru

правила предусматривали бесцензурное печатание на различных языках трудов научных обществ, университетов, академий, материалов правительства, а также карт, планов, чертежей и произведений древних классиков¹.

Традиция массового издания иноязычных книг в России сложилась в XVIII веке и была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, светская наука и образование изначально ориентировались на европейские культурные центры, поэтому научные труды часто публиковали на латинском и немецком языках. Во-вторых, русификация и христианизация национальных меньшинств требовали книг, понятных для местного населения, способных воспитать в нём верноподданнические чувства и приобщить к православным ценностям. В-третьих, для некоторых народов империи книга и чтение стали средством сохранения национальной, религиозной и культурной идентичности (немцы, евреи, поляки, татары, армяне, грузины и др.). В-четвёртых, система образования в России предполагала освоение нескольких языков, что способствовало массовому изданию учебной и художественной литературы на французском, немецком, греческом, латинском, английском языках, а после открытия инородческих школ – и на языках малых народов империи.

Цензурные комитеты, работавшие в Москве и Санкт-Петербурге, имели возможность просматривать все рукописи без исключения, независимо от того, на каком языке они были напечатаны. Органы внутренней цензуры в провинции придерживались определённой языковой специализации, связанной с особенностями местного населения. География иноязычного книгоиздания тяготела к цензурным центрам, но в территориальном плане была значительно масштабнее. Отдельные цензоры в Дерпте, Митаве,

Риге и Ревеле цензуровали тексты на немецком, латинском, эстонском, латышском языках. Виленский отдельный цензор по внутренней цензуре ежегодно просматривал сочинения на литовском, жмудском, польском и еврейском языках. Прибалтика считалась безусловным лидером инородческого книгоиздания, да и общий уровень грамотности местного населения был выше средних показателей по стране. Широким полем деятельности отличался Варшавский цензурный комитет, куда поступали рукописи на основных европейских языках (польском, еврейском, латинском, немецком, французском, итальянском). Центрами регионального книгоиздания были города Варшава, Ченстохов, Петроков, Лодзь и др. Одесский отдельный цензор имел возможность просматривать произведения на малороссийском, греческом, болгарском, еврейском, немецком, французском, итальянском, английском языках, тогда как с разрешения киевской цензуры публиковались малороссийские, немецкие, польские и еврейские издания. Они печатались в Одессе, Каменец-Подольском, Пирятине, Полтаве, Нежине, Ромнах, Херсоне, Керчи, Симферополе и др. городах. Тифлисский цензурный комитет просматривал сочинения на арабском, армянском, грузинском, азербайджанском, турецком, персидском языках, а также языках горских народов. Типографии, выпускавшие азербайджанские книги, работали в Баку, армянские книги – в Баку, Тифлисе и Эривани, арабские, аварские, чеченские, кумыкские, лакские, даргинские – в Темир-Хан-Шуре, грузинские – в Тифлисе, Кутаиси, Гори и Поты. Светскими произведениями на восточных языках занимался также казанский отдельный цензор. Татарскую, казахскую и арабскую книгу, кроме Казани, печатали в Оренбурге и Уфе, чувашскую, черемисскую и мордовскую – в Казани и Симбирске, удмуртскую (вотскую) – в Вятке, казахскую – в Семипалатинске, сартскую и персидскую – в Ташкенте².

8 мая 1903 года география центров российской цензуры расширилась за счёт назначения отдельных цензоров в крупные губернские центры: Лодзь, Екатеринбург, Харьков, Ростов-на-Дону, Саратов, Нижний Новгород, Томск и Владивосток. В Лодзь стали поступать польские тексты, в Саратов – немецкие, в Екатеринбург и Харьков – малороссийские³.

Порядок цензурирования ведомственных изданий во многом зависел от их видовой принадлежности. Уставы подвергались предварительной цензурной проверке в министерствах и содержали резолюцию членов правительства – их читали и редактировали чиновники разных ведомств. Иноязычные отчёты, инструкции, правила и т.п. издания мог разрешить к публикации губернатор или вице-губернатор, но только при наличии идентичного русского текста⁴. Их проверка была общей – на предмет выявления вредных мыслей,

направленных против православной церкви и христианской веры, самодержавной власти, монарха и «государственных постановлений». Безусловно, запрещались произведения, оскорблявшие «добрые нравы и благопристойность», а также порочащие честь какого-либо лица⁵. С текстами на французском, немецком или английском языках, как правило, затруднений не возникало. Однако, даже при наличии латинского и готического шрифтов, в провинциальных типографиях часто отсутствовали специалисты, способные корректно набрать и отредактировать иноязычный текст. Ещё больше проблем возникало при издании книг, брошюр и периодических изданий на языках местных инородцев. Например, самарским татарам приходилось печатать свой журнал «Иктисад» и документы Самарского мусульманского общества в Оренбурге, а Самарский епархиальный комитет Православного миссионерского общества заказывал значительные тиражи религиозных изданий на чувашском языке в Казани и Симбирске⁶. По этой же причине вся книжная продукция самарской общины немцев-лютеран была напечатана готическим шрифтом в типографиях других городов – Саратова, Москвы, Санкт-Петербурга, Риги и Дерпта⁷. Католики таких трудностей не испытывали, так как издавались, как правило, на русском языке⁸.

Довольно часто иноязычный текст печатали параллельно с русским отдельной книгой или брошюрой. Причём различались не только оформление и объём, но и тираж. Тираж иноязычных изданий значительно превосходил русскоязычные аналоги. Это было обусловлено, с одной стороны, высоким уровнем грамотности отдельных народов (евреи, немцы, поляки, латыши, эстонцы и др.), с другой – политикой правительства, направленной на распространение православной веры, медицинских и прикладных знаний среди местных инородцев (татар, чувашей, мордвы и др.). Например, на двух языках – немецком и русском – выпускались отчёты Общества воспитания глухонемых детей приволжских евангелических приходов⁹. Тираж русской версии за 1914-1915 гг. составлял всего 150 экземпляров, тогда как немецкое издание напечатали в количестве 1500 экземпляров¹⁰. Труд П. Галлера о холере неоднократно переиздавался на трёх, кроме русского, языках (татарском, чувашском и немецком). Причём брошюру напечатали в разных городах Поволжья – Саратове, Симбирске и Казани¹¹.

Художественные, практические, справочные и научные труды представляли на рассмотрение в светские органы цензуры: в цензурный комитет или отдельному цензору. Местная цензура на них не распространялась. Если сочинение было написано на редком языке, то для перевода привлекали экспертов из Академии наук, университетов или инородческих учебных заведений. Например,

в 1889 году у казанского отдельного цензора А.М. Осипова возникли серьёзные проблемы с произведениями С. Вишневого (медицина) и И. Юркина (проза), написанными на чувашском языке. Для просмотра текстов с Главным управлением по делам печати была согласована кандидатура директора Казанской инородческой семинарии, действительного статского советника Н.И. Ильминского¹². Когда ещё две рукописи И. Юркина попали в Санкт-Петербургский цензурный комитет, выяснилось, что цензоров, знавших чувашский язык, нет и там. Экспертизу провёл действительный статский советник, известный тюрколог В.В. Радлов в Императорской Академии наук (1889)¹³.

Религиозные сочинения на инородческих языках проверялись дважды. До 1865 года катехизисы, церковные и догматические сочинения протестантов подлежали предварительному рассмотрению членами Богословского факультета Дерптского университета. Книга или рукопись с их заключением и подписями передавалась в один из цензурных центров. В большинстве случаев их получал отдельный цензор из профессоров Дерптского университета. Особо оговаривался порядок цензурования «Книги соглашений» («Liber concordiae»), основную часть которой следовало публиковать без каких-либо изменений. Проверке университетских богословов и светских цензоров подлежал только дополнительный текст: толкования, примечания и любые другие «присовокупления». Прочие книги духовного содержания, связанные с протестантизмом, рассматривали в духовных консисториях¹⁴. Временные правила 1865 года несколько изменили порядок цензурования протестантских изданий. Богословский факультет Дерптского университета был из процесса проверки религиозных текстов исключён. Предварительную экспертизу стали осуществлять исключительно духовные члены консисторий и присутственных мест консисторий. Религиозные издания католического и армянского исповедания, как и прежде, цензуровали митрополиты и местные архиереи. Представители духовенства просматривали текст и, если не находили в нём ничего противного их вере, скрепляли титульный лист своей резолюцией и подписью. После этого рукопись поступала на рассмотрение светского цензурного комитета или отдельного цензора¹⁵.

Распоряжение от 30 июля 1839 года предписывало лютеранскому духовенству проходить цензуру строго в своём округе¹⁶. Тем не менее данная норма массово игнорировалась, о чём свидетельствуют цензурные разрешения, напечатанные на обороте титульных листов. Во второй половине XIX - начале XX в. пасторы горной и луговой сторон Волги, относившиеся к округу Московской евангелическо-лютеранской консистории, предпочитали возить рукописи в Прибалтику, т.е. в другой округ – Эстляндский,

Лифляндский или Курляндский. Многие из них были оттуда родом.

Духовные цензурные комитеты в дела других исповеданий не вмешивались и цензуровали только православные тексты. Спорные моменты разрешал Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Настоящий скандал случился, когда в 1869 году учитель Рижской православной семинарии Г. Суйгусар, работавший помощником Рижского отдельного цензора, запретил перевод с немецкого на эстонский двух протестантских духовных песен, так как обнаружил, что это «...отнодь не переводы с немецких оригиналов, а весьма редкие перефразирования оригиналов с применением их к настоящему времени...»¹⁷. Данные песни отличались тенденциозностью и были направлены «...против распространения православия и против переходящих из лютеранства в православие эстов и латышей»¹⁸. Будучи православным богословом, Г. Суйгусар не имел права просматривать протестантские тексты, так это считалось прерогативой светских цензоров. Тем не менее его замечание в Главном управлении по делам печати было учтено.

Согласно определениям Святейшего Синода, утверждённым императором, «...право издавать на местных инородческих наречиях, под собственною цензурою, православно-вероучительные и религиозно-нравственные книги...» получили Общество восстановления православного христианства на Кавказе (1863) и Православное миссионерское общество при братстве Святого Гурия в Казани (1868)¹⁹. Общество восстановления православного христианства на Кавказе занималось переводом и публикацией книг на языках горских народов, преимущественно осетинском. Цензурные функции в Православном миссионерском обществе осуществляла особая Переводческая комиссия, члены которой готовили к публикации массовые тиражи духовных книг на мордовском, чувашском, марийском, татарском, удмуртском, казахском, монгольском, якутском, эвенкийском, нанайском, алеутском и др. языках. Разрешение на печать подписывал председатель совета братства, позднее – председатель комиссии²⁰. На рубеже XIX-XX веков новые переводческие комиссии открылись при управлении Казанского учебного круга, а также в Глазове, Якутске и др. городах.

Титульные и выходные данные иноязычных изданий оформлялись с учётом содержания текста и языка. Выходило множество книг и брошюр на двух и трёх языках одновременно. В этом случае основных титульных листов могло быть несколько (например, на русском и на немецком). Встречается смешанный тип оформления выходных данных, когда автор и заглавие приводились на языке оригинала, а место издания, типографию и цензурное разрешение указывали в русском переводе²¹. 25 января 1894 года вы-

шел циркуляр Главного управления по делам печати МВД, потребовавший полного перевода заглавий иноязычных изданий, кроме немецких, французских, английских, латинских, греческих и польских²². 1 ноября 1896 года временно исполнявший обязанности начальника Главного управления по делам печати М. Соловьёв издал циркуляр о необходимости перевода сведений об авторе, заглавии, месте издания и цензурном разрешении всех без исключения иноязычных изданий на русский язык²³. Данное распоряжение было приостановлено уже 20 ноября. Новый циркуляр обязал издателей переводить на русский язык только цензурное разрешение²⁴.

Особые правила регламентировали публикацию книг на еврейском языке. Понять их содержание рядовому цензору было сложно, поэтому цензура предписывала издателям печатать сведения с титульного листа на двух языках одновременно – еврейском и русском. 23 июня 1895 года циркуляром и. д. начальника Главного управления по делам печати П.Ф. Еленева цензурным комитетам и отдельным цензорам было предписано «...предложить состоящим при них лицам, цензующим еврейские издания, относиться с особой строгостью к сочинениям на еврейском жаргоне, как представляемым в цензуру для разрешения к печати, так и поступающим в цензуру из-за границы, не пропуская в них никаких глумлений над библейскими сказаниями и ничего оскорбляющего чувства приличия и благопристойности»²⁵. Цензоры посчитали «кощунственными» и «весьма циничными» отдельные выражения в брошюрах, пропущенных киевским отдельным цензором, – «Общая аксиома» и «Биржевая эпопея»²⁶. В 1901 году вышел циркуляр, который вновь ужесточил порядок цензурования еврейских изданий. Заглавие на древнееврейском языке теперь следовало транскрибировать в соответствии с литературными нормами произношения испано-португальских евреев-сефардов, а не германо-польско-литовским произношением евреев-ашкенази. Начальник управления ссылался на то, что «...первое принято вместе учёными семитологами христианского мира, как в России, так и за границей»²⁷. Заглавия книг и брошюр на идише и крымско-татарском наречии караимов разрешалось транскрибировать с учётом их лингвистических особенностей. Главное управление по делам печати требовало точного и буквального перевода названий еврейских книг на русский язык²⁸. Данный циркуляр выполнялся неукоснительно вплоть до революции, о чём свидетельствуют еженедельные выпуски указателя «Книжная летопись».

Цензурные ограничения могли распространяться не только на определённый диалект или наречие, но и на шрифт. Так, 13 сентября 1865 года был введён запрет на печать латино-польскими буквами литовских и жмудских изданий. В слу-

чае нарушения циркуляра весь тираж подлежал конфискации. Губернаторам предписывалось всемерно ограничивать ввоз и продажу таких книг. 14 января 1866 года данный запрет распространили на все русские и малороссийские сочинения, отпечатанные латино-польскими буквами. Латино-польская азбука была введена римско-католическим духовенством в литовскую и малороссийскую письменность как средство полонизации. Католики печатали молитвенные книги на племенном наречии и распространяли их в народе для костельного и домашнего употребления. Впоследствии это было использовано в политических целях. Попытки внедрить русский гражданский алфавит в литовско-жмудскую письменность успеха не имели, поэтому данные ограничения признали малоэффективными и упразднили (1904)²⁹. 20 января 1893 года Главное управление по делам печати запретило печатать на польском языке и параллельно на двух языках (польском и русском) отчёты товариществ сахарных заводов Юго-Западных губерний³⁰. Цензурные меры, которые привязывали польскую печать к польскому языку и латинице, позволяли ограничить её культурное влияние на книгоиздание и периодику других народов.

Определённые цензурные притеснения испытывали и немцы-лютеране. В июле 1903 года дерптский отдельный цензор Баранов получил незаконное число обязательных экземпляров сочинения, не прошедшего предварительную цензуру. Книга «Mittheilungen des Livländische generalsuperintendenten über das Kirchenwesen im Jahr 1902 für die Gemeinden» была отпечатана в дерптской типографии К. Маттизена тиражом 5 тысяч экземпляров и содержала «искажённые» суждения о правительственных мероприятиях, религии, школах и народной нравственности. Выяснилось, что заведующий типографией А. Ган и генерал-суперинтендент Эрн, допустившие печать этого издания, понимали цензурные правила весьма превратно. Эрн посчитал консисторию правительственным учреждением, имевшим право печатать свои документы бесцензурно, на правах рукописи для внутренних нужд. Между тем статья 34 «Устава о цензуре и печати» достаточно однозначно регламентировала порядок цензурования духовных сочинений евангелическо-лютеранского вероисповедания. Гриф «На правах рукописи», типичный для малотиражных европейских изданий того времени, российские книги от цензурной проверки не освобождал. К тому же тираж был явно не служебным, а массовым. Консисторию могли подвергнуть судебному преследованию, но МВД ограничилось разъяснением, направленным в Генеральную евангелическо-лютеранскую консисторию³¹.

«Манифест об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года, провозгласивший свободу слова, вызвал появление

указов, отменивших предварительную цензуру для периодических и непериодических изданий (26.11.1905, 26.04.1906). Согласно новым правилам, книги стали запрещать через суд после выхода их в свет. Сведения о прохождении цензуры, которые размещали на обороте титульного листа или в самом конце текста, из них совершенно исчезли за некоторым исключением. Консistorии неправославных вероисповеданий продолжали пристально следить за содержанием религиозных сочинений, чтобы исключить их искажение. Так, в очередном переиздании труда Георга Фридриха Зейлера о протестантской вере и нравственности, вышедшем в 1911 году, можно увидеть формулу следующего содержания: «К напечатанию со стороны Московской Евангелическо-Лютеранской Консistorии препятствий не встречается. Москва, 2 мая 1911 г. №2285. И. д. духовного заседателя: Р. Вальтер»³².

Таким образом, цензура абсолютного большинства иноязычных книг в России осуществлялась на общих основаниях и требовала прохождения рукописей через органы светской цензуры. Религиозные тексты подвергались предварительной конфессиональной экспертизе, которую осуществляло духовенство. Иноязычная печать отличалась от русской в плане оформления титульных и выходных данных, предполагала использование особых шрифтов. Введение в цензурное законодательство норм, связанных с изданием книг и брошюр на европейских, туземных и восточных языках, в определённой степени позволяло контролировать политические и религиозные настроения среди нерусских народов империи. В рассматриваемый период центральные и региональные органы цензуры успешно пресекали литературные проявления национализма и сепаратизма, конфессиональную нетерпимость и распространение идеологий, направленных на подрыв устоев монархической государственности. Вместе с тем система цензурных ограничений не была серьёзным препятствием для развития национальных меньшинств, безусловным свидетельством чему являются тысячи иноязычных изданий различного содержания, напечатанные на территории Российской империи в изучаемый период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устав о цензуре и печати: (Св. зак. Т. XIV) с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. Сената и административными распоряжениями / сост. ст. помощником обер-секретаря уголов. кассац. департамента Правительствующего Сената В.П. Широковым; изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова. СПб.: [Пар. типолитограф. инж. И.Г. Гершуни, Измайл. п., 7 рота, собств. д. № 13], 1900. С.1, 3, 8, 28-30, 110.

² Центры иноязычного книгопечатания выявлены по изд.: Книжная летопись. СПб. (Пг.), 1907-1917; См.

подробнее: Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. С.181-227.

³ Там же. С.217-218, 288.

⁴ Ср.: *Verhaltensvorschriften für das Gouvernement Samara bei der Tödtung pestkranker und pestverdächtiger Rinder, Erlassen zur Obligatorischen Ausführung im Gouvernement Samara, laut 6. Artikel des Gesetzes vom 3. Juni 1879. Kasan : in der Universitätsdruckerei, 1884. 48 S.*; Правила о порядке применения в Самарской губернии меры убивания зачумленного и подозреваемого в зачумлении скота, изданные к обязательному исполнению в Самарской губернии, согласно 6-й ст. закона 3 июня 1879 года. Самара: Зем. тип., 1884. 40 с.; *Verhaltens-Vorschriften zur Verhütung und Ausrottung der sibirischen Pest an den Hausthieren (Pferden, Hornvieh, Schafen u.s.w.) im Gouvernement Samara. [Kasan: Universitäts Druckerei, 1891]. 16 S.*; Обязательные правила о мерах предупреждения и прекращения сибирской язвы на домашних животных (лошадях, рогатом скоте, овцах и пр.) в Самарской губернии. [Самара: Зем. тип., 1891]. 16 с.

⁵ Устав о цензуре и печати. С.2.

⁶ Житие Св. Амвросия Медиоланского / Самар. епарх. ком. православ. миссионер. о-ва; пер. Г. Григорьева. Казань: Центр. тип., 1908. 11 с. На чуваш. яз.; Иктисад. Оренбург, 1908-1913. На тат. яз.; Устав Мусульманского общества в г. Самаре. Оренбург: Пар. типолитограф. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К^о», 1907. 12, 12 с. На рус. и тат. яз.; Пояснительная записка к Отчёту Самарского мусульманского общества за 1907-8 год. Оренбург: Пар. лито-тип. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К^о», 1909. 16, 18 с. На рус. и тат. яз.

⁷ *Dreizehnter Jahresbericht der Gesellschaft zur Erziehung taubstummer Kinder in den Evangelischen Wolgagemeynden und der von ihr unterhaltenen Taubstummenanstalt in Orłowski vom 1. Juni 1909 bis zum 1. Juni 1910. [Саратов: Пар. типолитограф. Т-ва Г.Х. Шельгорн и К^о, 1910]. 24 S.*; Bericht über die Tätigkeit des Ev. Vereins junger Männer zu Samara in den Jahren 1908 – 1913. Dorpat: Druck von C. Mattiesen, 1914. 32 S.; Rechenschafts-Bericht des Kirchenrathes der Evangelisch-Lutherischen St. Georg's Gemeinde zu Samara für das Jahr 1915. Saratov: Druck von H. Schellhorn u. C^o, 1916. 40 s.

⁸ Второй отчёт правления благотворительного общества при Самарской Римско-католической приходской церкви за 1901 год и смета на 1902 год. Самара: Т-во «Печатня» С.П. Яковлева, уг. Казанской и Воскресенской, д. Товарищества, 1902. 26 с.; Отчёт о приходе и расходе Самарской римско-католической церкви за 1909 г. Самара : Губ. тип., 1912. 10 с.; Отчёт о приходе и расходе Самарской римско-католической церкви за 1910 г. Самара: Губ. тип., 1912. 10 с.

⁹ Ср.: *Achtzehnter Jahresbericht der Gesellschaft zur Erziehung taubstummer Kinder in den evangelischen Wolgagemeynden und der von ihr unterhaltenen Taubstummenanstalt in Orłowski vom 1. Juni 1914 bis zum 1. Juni 1915. [Саратов: Пар. типолитограф. Т-ва Г.Х. Шельгорн и К^о, 1915]. 18 S.*; Восемнадцатый годовой отчёт Общества для воспитания глухонемых детей Приволжских евангелических приходов Самарской и Саратовской губерний с 1-го июня 1914 года по 1-ое июня 1915 года. Саратов : Типолитограф. Т-ва Г.Х. Шельгорн и К^о, [1915]. 8 с.

- ¹⁰ Книжная летопись. 1915. №42. С.16 (№22507); Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф.779. Оп.1. Д.24. Л.44.
- ¹¹ В виду холеры / изд. Самар. губ. земства. Казань: Типо-лит. И.В. Ермолаевой, преемн. Ключниковой, 1907. 16 с. Прил. к «Холер. листку Самар. губ.». 1907. № 2. На тат. яз.; *Галлер П.К.* Холера / Саратов. губ. земство. Симбирск, 1911. 27 с. На чуваш. яз.; *Haller P.* Zum Schutz gegen die Cholera / изд. Саратов. губ. зем. управы. Saratow: Buchdruckerei «Energie», 1911. 40 s.
- ¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.776. Оп.20. Д.1062. Л.1-2об.
- ¹³ Там же. Л.10-10об.
- ¹⁴ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб.: В тип. Морского ведомства, 1862. С.159 (2-й ряд).
- ¹⁵ Устав о цензуре и печати. С.15.
- ¹⁶ РГИА. Ф.821. Оп.125. Д.326. Л.6е об.
- ¹⁷ РГИА. Ф.776. Оп.2. Д.6. Л.210.
- ¹⁸ Там же. Л.209об.
- ¹⁹ Устав о цензуре и печати. С.122-123.
- ²⁰ См. подробнее: *Савенко Е.А.* Из истории деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе (к 150-летию основания) // Университетские чтения - 2010 : материалы научно-метод. чтений Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010. Ч.15. С.91-97; *Никольский А.В.* Переводческая комиссия Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия в Казани: очерк из истории православной миссии среди инородцев России во второй половине XIX столетия. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1901. [2], 70 с.
- ²¹ Напр.: Deutscher Chorgesangverein. Samara: 1885 – XXV – 1910. 5 Dezember. М.: Тип. Г. Лисснер и Д. Собко. Крестовоздвиж. п., д.9, 1910. 20 s.
- ²² РГИА. Ф.776. Оп.34. Д.12. Л.76.
- ²³ РГИА. Ф.776. Оп.16. Д.34. Л.250.
- ²⁴ Там же. Л.252.
- ²⁵ РГИА. Ф.776. Оп.34. Д.12. Л.46.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л.45.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См. подробнее: РГИА. Ф.776. Оп.21. Д.730; Устав о цензуре и печати. С.53.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ РГИА. Ф.776. Оп.21. Ч.1 (1903). Д.680. Л.1-25об.
- ³² *Seiler G.F.* Auszug aus der evangelischen Glaubens- und Sittenlehre von Dr. Georg Friedrich Seiler zum Gebrauch beim Konfirmations-Unterricht auf der Wieseenseite der Wolga. Dorpat: Druck von H. Laakmann's Buch- und Steindruckerei, 1911. 80 S.

INTERNAL CENSORSHIP OF NON-RUSSIAN BOOKS IN RUSSIAN EMPIRE (FROM THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY TO THE EARLY XX CENTURY)

© 2015 M.V. Kurmaev

Samara State Institute of Culture

The paper is devoted to the main features of censorship of non-Russian books and brochures published in Russia before 1917. The author analyzes geography of their edition, and typographic rules. He focuses on the censorial bodies which allowed publication of non-Russian texts, and on the practice of restrictions on use of some fonts and adverbs in book printing.

Keywords: internal censorship, censorial regulation, non-Russian press, history of book publishing.